

18+

СЕРГЕЙ ЧЕРНЫШ

ПРЕДАТЕЛЬ, ИЛИ УМЕНИЕ ВЫЖИТЬ

Сергей Иванович Черныш

Предатель, или Умение выжить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523537

ISBN 9785005194299

Аннотация

Мне чужда позиция гуру, вещающего истинное толкование происшедших событий. Разве можно вести речь об объективности, если повествование идёт о судьбе человека, с войной покалеченной судьбой? Разве знает каждый из нас, как повёл бы себя в подобных экстремальных ситуациях ужаса войны? Встречает победу совершенно другой человек, другая личность, кардинально отличающаяся от довоенного прототипа, с иной поведенческой мотивировкой. Читатель в герое, вероятно, увидит часть себя.

Содержание

ПРЕДАТЕЛЬ	5
или	5
УМЕНИЕ ВЫЖИТЬ	6
РОМАН	6
ОГЛАВЛЕНИЕ	7
ВСТУПЛЕНИЕ	8
1	10
11	26
15	33
28	56
33	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Предатель, или Умение выжить

Сергей Иванович Черныш

Иван Сергеевич Черныш *Дизайнер обложки*

© Сергей Иванович Черныш, 2020

© Иван Сергеевич Черныш, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9429-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДАТЕЛЬ

ИЛИ

УМЕНИЕ ВЫЖИТЬ

РОМАН

Автор:

Черныш Сергей Иванович

Год написания :

2019

Место :

Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

№ НАИМЕНОВАНИЕ СТР.

1	Вступление.	1
2	Начало.	2
3	Трудовые будни.	12
4	Начало войны.	16
5	У врагов.	34
6	Путь к дому.	52
7	Пасека.	56
8	Проводник.	76
9	Статус. Задание.	103
10	Порт назначения.	136
11		
12		

ВСТУПЛЕНИЕ

К своему удивлению узнал, что есть такая специальность – размещать животных и птиц в зоопарке. Это довольно сложная задача: с одной стороны, вольеры должны быть комфортными для проживания экспонатов, с другой стороны важно каких зверей можно рядом разместить. Хищник и потенциальная жертва в соседних вольерах точно не уживутся. Но самое главное, как спланировать аллеи, и определить последовательность обзора, в тени экзотических деревьев, чтобы посетитель мог получить полную, целостную, обзорную картину о животном мире. Под началом такого специалиста трудится целая команда профессионалов в специфических секторах.

Так и временной отрезок истории. Мы стараемся создать обобщённую объективную картину исторических событий, и в этом, на мой взгляд, наша ошибка. В зоопарке родившийся кабан бородавочник проведёт всю свою жизнь там, где родился и его вольер – это его мир. Человек, проживший жизнь в какую-то эпоху, воспринимает её сквозь призму внешних воздействий лично на себя, адекватно реагируя на них. Условия его жизни в окружении социальной среды – это уникальные условия формирования личности в её неповторимости. Предвоенная жизнь у каждого жившего в ту пору совершенно по-разному сложилась. Кто-то умер до войны, кто-то

в войну, кто-то сразу после, а кто-то пошёл на войну юнцом и дожил до наших дней, – всё это неповторимо разные судьбы.

Вот о неповторимой судьбе одного человека, через его восприятие событий / до военное время, война и послевоенное время/ я повествую. Дорогой читатель, ты живёшь своей жизнью, а герой романа- своей, этим ты обогатишь своё восприятие происходящего и в твоей жизни. Во всяком случае, я к этому стремился. **, не суди – но пойми**

1

НАЧАЛО

Наше будущее, как мороз творит неповторимый узор на замёрзшем окне, формируют близкие нам люди, совсем не догадываясь об этом. Мои родители были заняты работой и заработком, – они совмещали должность в учреждении и труд на своём участке: огород и живность. Они нашли прозрачный ответ на вопрос – как жить и как выжить, имея двое детей и деда. Этот ответ подразумевал пчелиную занятость, не допускающую никаких отвлечений. Работа – это заработок и долг государству, иначе штамп антисоциального элемента неизбежно приведёт к беде; домашнее хозяйство – это основной доход семьи. В детстве, всех наших домашних животных я воспринимал иначе, чем взрослые. Вот – куры, к примеру. Для взрослых – это время дня, которое нужно уделить птицам, чтобы получить у них яйца и мясо. Я же рассуждал иначе. Для кур – курятник – это их мир и их жизнь. Это не безликие птицы, у них сложные отношения между собой и с петухом. Более того, у них сложились определённые отношения и со мной. Куры различали, когда родители или дед просто проходят мимо, а когда несут им пищу или воду, – в первом случае были совершенно безразличны, а втором случае были агрессивно активны. Я же, очень часто, проходя, хоть что – то подбрасывал им, поэтому мой проход

всегда заинтересованно сопровождало несколько кур, в ожидании возможного подарка. Я знал повадки каждой курицы и мог охарактеризовать каждую. Для меня было трагедией, когда, вдруг, одна из них пропадала. Именно поэтому куриц резали тогда, когда меня не было дома. Дед мне говорил :

– Смотри внимательно, каждая курица живёт свои умом и находит своё место в соответствии со своими данными – так и человек. Вот и ты, с братом, с одного помёта – а разные, – видать и место в жизни всяк своё найдёт.

Брат был фанат футбола и любое свободное время посвящал тренировкам. В нашем сельском доме проживал отец матери, мой дед, очень мудрый человек с покалеченной в гражданскую войну ногой. Его неуёмная энергия заставляла подниматься до восхода солнца и ложиться спать после захода, – в этом промежутке он работал, стараясь наш двор

2

довести до идеального состояния. Самому ему это было трудно, даже не возможно, младший брат помогал формально, видя в этом докучливую обязанность, а мне были интересны бесконечные дедовы рассказы, под которые я незаметно для себя делал работу по дому, когда не учился. Дед был среднего роста, плотного телосложения хромающий мужчина от которого буквально веяло уверенностью в правоте того, что он делает. При этом я ни разу не слышал, чтобы были произнесены кому- то советы или нравоучения, он уверенно делал то, что считал для себя необходимым. Только

потом я понял, что он являлся мощным клеем для всей нашей семьи. У него был талант слушателя и рассказчика, при этом его рассказы никогда не были экспромптом. Он понимал проблему, облакал её в рассказ и выждав случай озвучивал задуманное.

– Вот посмотри, внучок, мы ходили на охоту осенью, когда лёгкий мороз баловал лишь ночью, а днём всё таяло, превращая землю в грязь. Раза три мы удачно охотились на лисицу – ты видел в такую грязь – как чиста её шкурка? Мы держим нутрий – ты видел сколько усилий они прикладывают, чтобы быть идеально чистыми и так всяк здоровый зверь. Если он за собой плохо смотрит, то он точно болен, не важно чем, а болен. Почему я рано встаю? Не хочу, чтобы Вы или кто другой меня увидел в непотребном виде. Восход должен увидеть меня чистым, мытым и бритым. Сапоги должны чиститься несколько раз в день – иначе – что за вид? Меня к этой дисциплине в гражданскую намертво прикрепили. Прежде чем выйти из дома я смотрю в зеркало – насколько я готов достойно встретить день. Я тебя не учу, я тебе о себе рассказываю, а ты – поступай как знаешь.

Такие повествования вырабатывали во мне практическое отношение к жизни: я был переборчив в одежде, требователен к чистоте, а позже избирателен в еде. Никто мне не говорил, но свою комнату я убирал каждый день сам, как дед, подметал, мыл пол. Папа говорил, что я дедов сын, хотя так оно, наверно, и было. Грязная вода в корыте у нутрий вызы-

вала у меня ощущение того, что в этом дворе живут пьющие неряхи. Всё должно знать своё место и быть в рабочем состоянии, на фоне порядка и чистоты.

3

– Стройная система в голове выстраивается только тогда, когда для этого есть условия, – говорил дед. – Вот, к примеру, наша мастерская – всё в рабочем состоянии и раз и навсегда заведённом порядке. Что из этого следует? А то, что чтобы ты не захотел сделать, создать – ко всему есть возможности. Чтобы гайку подтянуть ключ искать не надо; по хозяйству любую работу сделать – пожалуйста. Черенок у лопаты или топориче расшаталось – мигом наладим, доска забора треснула – заменим; в механизме шестерёнки смазать – минутное дело. Порядок позволяет работать в радость! Это как хозяйка, у которой и продукты свежие в избытке, посуда хорошая и печь налажена – не варит борщ, а шедевр создаёт. Ну а любая досадная мелочь порыв напрочь отбить может, к примеру тупым ножом много она насечёт – нарежет? Отмучается, выполняя повинность. Так и меня приучили, хочешь, чтобы жизнь в радость была, – держись за порядок, тогда всё получится. Поди, полсела делают колбасу, и мясо коптят, но только у Тоньки настоящий шедевр выходит. А причина – та же. Потому и времени в сутках мне не хватает.

Сколько раз я потом убеждался в его правоте! У нас был старый мотоцикл, так я его под руководством деда так от-

регулировал, что он новым форуму давал, но и уход соответственный требовал.

Я был настолько безгранично любопытен, что интересовался буквально всем, но далеко не всякому были интересны мои исследования и открытия.

Как-то деду я с увлечением рассказывал о теории Дарвина, о эволюции, о торжестве интеллекта. Он умел слушать – этого не отнять. Потом, через пару дней, сам завёл разговор:

– Помнишь, волк повадился к нам в село скотину резать? Так вот – волк хищник необразованный и с интеллектом у него плохо, а у нас, у шестерых охотников со стажем, с этим делом всё в порядке. И чего стоил наш интеллект, если три месяца он нас обманывал как несмышлёнышей, как бы насмехаясь над нашими коварными планами. Нас шесть взрослых мужчин, охотников – а сделать ничего не могли, умнейший был волчара. И попался случайно, из-за жадности. Козлёнок он зарезал и тащил в лес, а козлёнок уже вес – то понабрал, и волку не

4

по силам было быстро бежать, – надо было бы бросить жертву и скрыться, а он до последнего тащил добычу, являясь лёгкой целью для нас. У зверья – своя наука и логика своя, звериная. Если человек поймёт чего хочет зверь, то легко может с ним справиться или найти компромисс, а если нет – беда может стрястись.

– Вот ты за растением ухаживаешь, перегноем удобряешь,

а может при этой почве перегной – то ей и не нужен и даже вреден, а нужно либо кислотное либо щелочное удобрение и тут не угадаешь, – тут знать надо. Я того по прошлому году агронома не зря приглашал, пусть анализ сделает и скажет, чем удобрять лучше и сколько нужно этого удобрения – то. Пресыщение никому на пользу не идёт – землице – то же, везде мера должна быть, чего не коснись.

Все эти рассказы последовательно укладывались на полочках моей юношеской памяти, формируя меня, как человека. Я того и с братом общего языка не мог найти – если уж играть в футбол, то этому нужно учиться, а не просто бегать по полю по своему разумению. Брат же верил, что обладает врождённым пониманием темпа игры и своего места в ней. Мы больше эту важнейшую для него тему не трогали. И вообще мало общались, будучи увлечены совершенно разным.

Дед очень осторожно отзывался о политике и его позиция в последствии не раз меня выручала. Мои сверстники были активными атеистами, ленинцами, фанатично преданные Сталину и его стратегическому партнёру тогда – Гитлеру и мечтали о том недалёком будущем, когда пролетарии всех стран откроют глаза на происходящую эксплуатацию и сбросят буржуев. Но этот общий настрой для меня стоил несопоставимо меньше, чем авторитетные слова деда.

– Что они там, наверху, думают – никто не знает, да и они сами не знают точно – к чему всё приведёт. Овца, которая проявляя характер, отбивается от стада – обречена: её либо

пастух зарежет, либо зверь дикий какой, а может сама забредёт в дебри и там и останется, лишившись пищи и крова. Овец идущих впереди первых на забой пускают, как самых дисциплинированных, идущих строго за козлом —

5

вожаком. Нельзя отставать, но следуя общим темпом — надо быть по- возможности в отдалении. Ты уже умный, последний класс заканчиваешь, должен понять, что говорю.

Родителей я любил, но вот вспомнить наставление или урок какой — не могу. Они трудились и очень редко отдыхали, что не позволяло уделить свободное время сыновьям, потому как этого свободного времени у них не было. Корова с телком в непогоду столько навоза прибавит за пару — тройку дней, что батя, как каторжный, с огромной тележкой в конец огорода как маятник часов — туда — сюда маршрут прокладывает. И никого не интересует — где он время выкроил на этот аврал! Так же и мама. Я очень любил их, понимая, что они жизнь положили, чтобы нас выходить. Так самоотверженно квочка, ради защиты цыплят готова не только на собаку — на человека броситься!

В школе я был отличник. Дед, когда —то, очень к месту сказал: цыплята редко благодарными квочке бывают, да и дети, часто, то же. Это так запало в сердце, что моя учёба была формой протеста такой постановке вопроса. Мать и отец мне дают всё — а я? Это было ещё одной пропастью между мной и братом.

После школы – поступил в университет и с большим энтузиазмом учился. Жизнь зверей меня настолько занимала, что этот интерес далеко выходил за курс программы и поэтому на факультете я выделялся. Преподаватели – они то же разные бывают, те, которые не интересны – требуют формального подхода и получают его, а те, кто живо интересуется предметом – с теми просто расстаться нельзя – настолько интересны их выводы и уникальны знания. Время пролетело быстро, университет я окончил с отличием и путём реализации длинного плана, начиная с третьего курса, я поступил на другой факультет – биологический. Нет, учёным я себя не видел, просто я был убеждён, что зоологию в отрыве от биологии изучать нельзя, это единая система, не позволяющая абстрагировать какой-либо фрагмент. Учиться стало тяжелее. Преподаватели настаивали на изучении биологии, как исключительно самостоятельной дисциплины, мне же хотелось увязать знания, затем я и посещал старых преподавателей, делясь своим непониманием. Уж как дотошно я изучал разные регионы с разными

6

климатическими условиями! Одно, бойкое растение, развиваясь, глушит всё, но является идеальным питанием для нескольких видов травоядных, которые способны буквально уничтожить сам вид, питаясь им. Но эти травоядные являются естественной пищей для плотоядных, которые сокращая численность стада, фактически регулируют рост этого вида

растений. Это очень приблизительный и упрощённый подход, всё в сотни раз сложнее в разных, порой уникальных, сочетаниях. Разве стихийно «выхватив» эпизод из пазловой многоплановой картины, мы вправе судить о всей картине? Конечно, нет. Растения претерпевают десятки видов внешних воздействий и пытаются приспособиться к ним, фактически видоизменяются, сохраняя вид.

Я написал научную статью, где сформулировал вопрос, в разных плоскостях, доказав, что убедительного ответа на него нет. Ягуар или леопард – сильный наземный хищник, охотящийся, в основном на парнокопытных. Однако, боясь конкуренции, убив жертву, он затаскивает её на дерево и там поедает. О его охоте, её специфике можно писать бесконечно – настолько разнообразна тактика и стратегия охоты. Для этих плотоядных подводный мир чужд по определению. Взрослый крокодил совершенно свободно может воспринять представителя кошачьих за жертву и успешно атаковать. Подводный мир для крокодила – естественен и понятен, чего никак не скажешь о кошачьих. Тогда кто укажет мне, пусть и контурно, эволюционную природу охоты ягуара на небольших крокодилов в реке? Небольшой крокодил, по весу не намного меньше ягуара, однако он жертва, несмотря на то, что находится в своей природной среде.

Баланс видов рыб в водоёме в связи с динамикой развития подводной растительности, – эта тема заняла год изучения, мной был подобран материал и написан целый труд, ко-

торый затем пылился в нашей библиотеке. Но я не претендовал на научное звание, – мне было очень важно самому понять неизведанное.

Хочу упомянуть об одном из главных стимулов в моей работе. Интуитивно я чувствовал, что именитый оппонент логически не может фактами опровергнуть мои выводы, или предложить свою теорию; вместо этого он в полемику включает обилие специфических терминов,

7

многие из которых можно трактовать двояко, и ссылки на труды бесспорных авторитетов. Я, с моей горячностью, возражал как мог: все современные мультики, основываясь на фундаментальных трудах Дарвина изображают ёжика, несущего яблоки в свою норку, но фактически – ёжик – насекомоядное и этот факт не подлежит ни малейшему сомнению. Подобных фактов и ссылок я приводил множество, но они легко разбивались о твердыню принятых в научных кругах родной страны устоев.

Вся научная общественность была занята актуальнейшими вопросами агрономии, пытаюсь стать в лагерь Лысенко или Вавилова. Моя же тема была настолько далека, что к ней относились как к блажи, которой сейчас не место. Спасибо помощи библиотекаря Никифора Николаевича, были подобраны определения «дикие животные» из множества словарей и трудов учёных мира, из которых ясно, что эти определения кардинально противоречивы. Скажем лиса.

Живёт вблизи крупных деревень, где развито животноводство и птицеводство и, соответственно, есть скотомогильник. Без человеческого присутствия в этом виде она никак существовать не может. Это спутник сельского поселения. Дикое ли это животное? В Лондоне, можно увидеть лис, роющихся в городской мусорке и совершенно независимо прогуливающих по улицам. Животные никогда не видевшие человека, как правило, не боятся его, хотя и соблюдают осторожность. Мной были приведены примеры из жизни полярников и медведей, соболей, лис и рыбаков и проч. Особый раздел я посветил Комодским варанам. В определённое время суток они выходят на охоту и человек для них лишь вариант пищи. В этот период – это злобный хищник. Но проходит время и в самую жару, вараны замирают, будучи совершенно безопасными, на них жители не обращают вообще никакого внимания. Какие же они дикие? Как и гиены, если проследить как веками их использовали египтяне, а сейчас, считается не способным к одомашниванию животным. На мой взгляд, наука о животных вообще погрязла в штампах, которые отнюдь не универсальны. Скажем психология хищников при охоте стай. Это и стратегия и тактика и кардинальные изменения в случае если ситуация резко меняется. Я посвятил целый раздел поведению высокоразвитых

животных в случае смертельной опасности. Почему волк, попавший в капкан, способен перегрызть себе лапу, а чело-

век нет? По сути, человек более ярко понимает последствия попадания в ловушку чем животное – с этим не поспоришь, – интеллектуальный потенциал у человека в разы больше. Тогда почему? У человека меньше воли к обретению свободы? Точно нет. Человек более остро чувствует боль? Да, это так, у волка шкура толще, но за шкурой точно такие же нервные окончания, как и у человека и порог боли приблизительно такой же. С моей дотошностью, было скоплено достаточно материалов для обработки, анализа даже на докторскую учёную степень.

Мне хотелось быть убедительным и потому мной и моими единомышленниками – был собран обширнейший материал, подтверждающий нашу правоту. Беда была в том, что сама тема в советских научных кругах считалась не актуальной и потому не перспективной к изучению.

Учитывая мой возраст, меня избрали комсоргом факультета, и вскоре я стал кандидатом в члены партии. Дед был прав – мой статус не позволял мне быть беспартийным. Закончив учёбу, я довольно тесно сошёлся с профессором, зоологом, который всецело поддерживал мой взгляд на изучение зоологии и биологии как единого раздела. Места такой теме не было и мне предложили поехать преподавателем в школу в этой же области, профессор постарается пробить научную тему, которой я буквально бредил, и отозвать меня для продолжения учёбы и работы в универе. Профессор! Его задор гасил впечатление о возрасте, а откровенный взгляд

исключал даже отдалённый вариант лукавства.

Его наставления были кратки :

– Учись не у людей, учись мудрости животных и птиц, да и насекомые дадут фору десяткам умничающих. Знаешь, есть такая птица в Новой Гвинее – Двухцветный питохуи. Он не охотник, зато насквозь ядовит, даже перья несут смертельную угрозу, даже маленькая ранка может стать причиной смерти человека. Расплодилась ныне такая порода людей, конечно не у нас в стране, думаю. Ступай, с Богом. Я всё сделаю, чтобы тебя вернуть в мир науки. Помни главное: не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы тебя отозвать, но главное в

9

том, чтобы ты вернулся во всеоружии знаний, а не подзабывшим материал возможным помощником. В этом качестве ты здесь не нужен. Работай день и ночь, чтобы у меня были основания, пусть и формально, но ты должен возглавить утверждённую тему, а на учёном совете, как содокладчик, не оставил бы оппонентам никаких шансов для убедительных возражений.

К родителям я наведывался редко: и далеко и дорого, да и смысла особого это не имело. Это стало ясно буквально с первого курса, сразу после поступления. Приехав домой, нужно было переодеться и начинать помогать работать по хозяйству, дед, к тому времени здорово состарился и не только тяжёлую, но и вообще работу уже делать не мог.

Было больно наблюдать, как он, собрав силы, встаёт, выходит из дому, осматривает, приходящий в упадок двор, что – то пытается сделать, потом, тяжело вздохнув, идёт в дом и ложится. Я этот упадок сил наблюдал в динамике. Когда я жил дома, я не замечал процесс его старения, и только длительное расставание позволяло увидеть этапы процесса возрастной потери сил. Он постоянно ругался с братом, отлынивающего от этого обременения / порядка в доме/ – приводя меня в пример, чем разжигал неприязнь между нами. Отработав каникулы, уставший до одури, я ехал в родной универ, мечтая поскорее забыть об этом кошмаре. Это было на каникулах и после окончания, при приезде на праздники. Слышали, небось, выражение – икона плачет? Дед мой плакал. Нет, не слезами, а душой. Десятки разнообразнейших ножей не заточенных ржавели на своих местах. Всё носило признаки разрушения. Чтобы ранее допустить, что петли калитки или двери в дом были не смазаны? Да в это и поверить было не возможно! Уключины в лодке, под вёслами скрепят – это жуткий сон от переедания. Я смотрел на эти признаки и сдерживал слёзы в горле – наш дом, наше хозяйство медленно умирало. Дед вставал с топчана на кухне, мылся, брился, завтракал, принимал стаканчик самогонки и бешено трудился, но через пару часов силы оставляли его и он надолго ложился на топчан, пытаюсь привести себя в чувство. Позже и это стало не доступно. Ему было понятно, что от него исходит старческий запах и он, замерзая, периодически, дер-

жал открытой дверь, стараясь обновить атмосферу. Говорить с ним было уже не о чем, – только помогать – то постирать, то

10

воду подать. Родители работали и взвалили на себя все дедовы хлопоты, потому им было не до него. О брате ничего сказать не хочу – случайно приросшая ветвь. На родительском подворье прошёл мой «отдых» перед отъездом по распределению, на незнакомое мне место. Хотелось, как можно больше сделать, чтобы если не возобновить, то здорово поправить порядок. Однажды дед, с очень серьёзным видом, посадил меня на топчан, рядом с собой, сам приподнялся, поправив подушки и хриплым, старческим голосом с очень торжественным видом сказал :

– Не перебивай. Мы больше не увидимся. Я знаю, и на похороны ты не приедешь, но ты не расстраивайся, я умру спокойно – ты это то лучшее, что я мог сделать в этой жизни. Вспоминай мои рассказы – в них мудрость жизни, когда –нибудь они тебе здорово пригодятся. Вечером, чтоб никто не видел, проберись в Глуховку, к батюшке, он меня знает, скажи, чтоб заехал когда время будет – исповедаться хочу. Только по- тихому, чтоб мало – кто видел и только после твоего отъезда. Всё! Иди! Мне тяжело.

Вот что удивительно, прощание с родителями, родственниками, родным братом, были очень искренне эмоциональными – накрыли большой стол, да и людей было не мало, – настоящий праздник. Дед только вначале посидел чу-

ток и ушёл к себе. Так вот, что удивительно, так это то, что событие у меня практически стёрлось с памяти, а ту беседу с дедом, помню до мельчайших подробностей.

Так закончился этот этап моей жизни.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

От станции, на подводе, за небольшие деньги, меня довели до школы. Директор школы – большой человек с выразительными энергичными глазами был краток в наставлениях. Его наставления были лаконичны: – Учись у опытных преподавателей, прислушивайся к их советам и замечаниям и постепенно сам станешь хорошим педагогом. К школе прилегал строение, бывшая почта, в хорошем состоянии, там одну комнату занимает библиотека, а две пустуют, – чем не жильё? Завхоз, чем сможет – поможет, – сходи к нему, он в полуподвале сейчас хозяйничает. Ну что, в добрый путь!

Школа за двести километров от города представляла собой большое строение, где отбывали повинность дети и преподаватели. Преподаватели основной доход имели от хозяйства, за тунеядство была статья, потому работа в школе, стаж были официальной данью государству. Все старались работать по-меньше, чтобы по – раньше уйти, поэтому на меня взвалилась вся ответственность за учебный процесс. Я беззащитно заменял постоянно болеющих учителей, давая детям свои уроки сверх программы, чему директор и завуч были несказанно рады, – раньше детей просто распускали домой. Молодая учительница из местной многодетной семьи активно включилась в работу, помогая мне. В скором време-

ни мы вдвоём были фактическими руководителями школы. Директор школы, завуч – это были престижные должности и пользовались большим уважением не только в нашем селе, но и в райцентре. Но, с другой стороны, директор школы, с удовольствием взял бы ещё пару поросят и тёлку с бычком, что принесло бы ощутимую прибыль семье. Увы, но жизнь требовала выбрать что – то одно, и он был готов к выбору, но найти того, кто бы его заменил было практически не возможно. А он и завуч – партийные, потому просто уйти было не возможно. Буквально через два года моей бешеной работы, они стали исключительно формальными фигурами. Главное то, что я жил в школе и потому все вопросы мной решались моментально, по мере поступления. Девушка – завуч, как я уже говорил, из многодетной семьи и дома её ждала непосильная трудная работа,

12

не подразумевающая собственное развитие, а к учёбе она стремилась очень сильно. Мне было очень интересно общаться с ней, потому как её любознательный ум дико противился зубрёжке, а требовал последовательных доказательств. Был даже случай, когда она не смогла ответить ученику, в чём откровенно призналась перед классом. Это был поступок! Все учителя были возмущены! Но когда она через несколько дней посвятила открытый урок ответу на этот вопрос, всех желающих класс не вместил и мы переместились в зал. Она прочла очень интересную, увлекательную

лекцию, которую мы все прослушали, затаив дыхание. Директор тут же подсуетился и отправил её в район для обмена опытом. Там же, в районе, согласно директивы о «омоложении» руководящего состава меня и этого педагога назначили новым директором и завучем. Директор и завуч с удовольствием передали нам свои полномочия, сами утвердив во всех кабинетах это решение. Стоит ли удивляться, что вскоре я сделал предложение и женился на своём завуче. Работа близких родственников в руководстве была запрещена и видимо поэтому, вскоре, по партийному набору, меня направили в школу Красных Командиров. Жена к этому времени была на последних месяцах беременности. Школа Красных Командиров – это некое уникальное явление. По примеру табели о рангах в царской России был составлен подобный табель, где директор школы приравнивался к майору и автоматически становился политруком – замполитом. Но, учитывая, что ни малейшего представления о военной службе мы не имели, для нас и были созданы эти курсы.

Вот когда вспомнился дед, с его тягой к идеальной чистоте, порядку и чёткостью планов с прозрачным пониманием их реализации. Закончив курсы, я был направлен в артиллерийскую часть за Уманью. Началась моя служба кадрового военного, имеющего молодую жену, к тому времени директора школы и трёхлетнюю дочь, а так же бесчисленную родню жены. Родители и брат жили своей жизнью, очень вяло интересуясь моей, дед сильно болел, практически не ходил

и весной умер. С части меня на похороны непустили – дед не близкий родственник, мы готовились к сборам, так что каждый офицер был на счету. Я вспомнил последний разговор с дедом, когда он сказал, что на его похоронах я не буду. Может предвидение, а может и совпадение.

13

Надо заметить, что эти годы сильно отдалили меня от забот и интересов родителей и брата, а со смертью деда, я стал практически безучастен к ним.

На службе же мне нравилось всё: выправка, идеально подогнанная форма, этикет, чёткая постановка задач и строгий отчёт о выполнении заданного. Режим дня, продуманный до минут сплотил часть в единый коллектив с пониманием каждым своей миссии. Так было, но недолго.

В город я не навещался несколько лет и потому то увлечение, которому я хотел посвятить жизнь – угасло естественным путём. Профессор ни одного раза не прислал весточку о себе, хотя мной были отправлены поздравительные открытки к праздникам – но безответно. Я рассудил так: если тему продвинуть нельзя ни под каким предлогом, то смысл мне посылать весточки? Скорее всего так и было. К примеру лиса – она вовсе не хочет сделать убыток хозяйству крестьянина, её это вообще не беспокоит. Ей нужно питание – курица и она просчитывает варианты рисков в плане охоты. Выбирает курятник по каким – то ей понятным критериям, наблюдает как куры пасутся, как их закрывают и готовит план

охоты. Если этот план не удался, она не отчаивается, лисица ищет принципиально новый подход к цели и в этом проявляется её воля к жизни. Мне очень досадно, что научная работа безнадежно оборвалась, но из этого не следует, что я должен жить неудачником – молодой директор школы, – это то же достойное применение. Дослужиться до майора было очень не просто, званию должна была соответствовать должность, а должность – это личный состав, за который ты несёшь ответственность и от которого зависит получишь ты повышение, останешься на месте или будешь расти. Я же привык отвечать только за самого себя, отношение со школьниками и учителями удавалось сохранять ровными, потому что все понимали ту красную черту, которую преступать никак нельзя. В армии всё было сложнее. Главное – кадровые офицеры чуть ли не демонстративно игнорировали нас и старший лейтенант, меня – майора, офицером считал условно, хотя согласно Уставу выполнял требования безоговорочно.

Армия – это порядок, а порядок – это, прежде всего, твой облик во всех проявлениях, от внешнего вида, до качества выполнения своих

14

непосредственных обязанностей. Вот где пригодилась дедова наука! Стараясь стать образцовым офицером, я порядок доводил до совершенства, от идеально заточенных карандашей, до заправки спального места, которое можно было фотографировать, как образец. Это дало свои плоды – ме-

ня воспринимали как идеального штабного работника, истинного служаку, у которого кроме службы ни в голове, ни в сердце ничего нет. Семья осталась в деревне, оклад я регулярно переводил им, не нуждаясь в средствах, разве что только на личную гигиену. Внеся незначительную сумму, я питался в солдатской столовой, не с целью экономии, а чтобы поддержать воинское братство. Нельзя на политзанятиях обличать белых офицеров, а самому уподобляться им, не считая солдат за людей. Рабоче – Крестьянская Красная Армия – едина. Это монолитный, сплочённый коллектив защитников Родины. Солдат должен видеть в офицере образец, защиту, старшего товарища, а офицер должен этому соответствовать. Эта моя позиция была практически отторгнута кадровыми офицерами, относящимся к солдатам, сержантам и прапорщикам как « низшей » касте, малоспособными к самостоятельности и поддержанию порядка. Реагируя на такой подход, солдаты воспринимали службу как повинность, которая обязательна на несколько лет, а потом забудется как страшный сон. Это и логично – в ту пору колхозникам паспорта не выдавали и выехать в город он мог только со справкой, где указывалось время прибытия в родной колхоз. Поэтому и мысли у них были о колхозных делах и планы на жизнь неотделимы от колхоза. Свою роль замполита я понимал, как роль исповедника. Ко мне ходили солдаты, рассказывая о своих проблемах дома и не службе, я же старался понять и дать совет. Такое отношение определило

своеобразный статус – доверие и уважение солдат на фоне прохладных отношений с кадровыми военными. Как – то командир мне сказал :

– Не могу сказать, что ты влился в коллектив, но своё место ты занял – это точно. Служи, как служишь.

Это было официальное одобрение моего курса, а значит предстояло совершенствоваться в этих рамках.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Природа готовит всё живое к грому и молнии. Атмосферное давление, облачность, самочувствие, – всё предвещает грозу, гром и дождь. Это чувствуют животные, это чувствуют растения, мошкара, это чувствует и человек. Невозможно представить себе, что в разгар безветренного дня, среди яркого солнца вдруг, за секунды ударит сильнейший гром, с разрядами молнии и начнётся ливень и всё это за мгновение. Это не стресс, – это явление параллельного измерения, в котором человек совершенно незащищен и не устойчив к внезапным радикальным изменениям. Ужас, полагаю, парализовал бы волю, не позволяя адекватно мыслить и действовать. Так цунами, сметая всё вокруг, заставляет людей бессмысленно бежать, хотя очевидно, что скорость бега не сопоставима с распространением стихии. Паника. Истерика. Помутнение рассудка. Осознание полной беспомощности. Природа готовит всё живое к ненастью. Природа готовит всё живое к смене погоды и времён года, готовит, медленными намёками, а уж дело всего живого – как к этому отнестись. Орангутанг – единственный примат, который на невероятной высоте строит из веток жилище, готовясь к ненастью.

Место дислокации части находилось на окраине малень-

кого посёлка, значительная часть которого прямо или косвенно трудилась у нас в части. В части был свой хоздвор, свиноферма, коровник, птичник – всё это требовало ухода и кормов. Вокруг нас находились сёла и два небольших посёлка, потому вести к нам пищу было делом хлопотным и командование части старалось максимально задействовать свои возможности. К нам вела самостоятельная железнодорожная ветка, которая использовалась крайне редко.

Командир части был фигурой незаурядной. В гражданскую, его часть была отведена с линии фронта для отдыха и доукомплектации. Никому бы и в голову не пришёл бы манёвр, совершённый врагом, сложный маршрут и их атака была похожа на расправу палачей с жертвами. Выжили немногие. С тех пор наш командир, старался весь сезон проводить на учениях, готовясь к отражению возможной атаки. Он был далёк от политики, зато понимал, что только много раз испытанная,

16

слаженная боевая единица и является ячейкой армии. Поэтому он до максимума усложнял условия учений, добиваясь максимального эффекта, при этом сам носился по полигону как одержимый, подавая пример всему офицерскому составу. Эту атмосферу нагнетания вероятной угрозы ему удавалось поднять до максимального градуса, так что ничего из нас ничего больше учений не интересовало. Так было и в тот раз.

Наша артиллерийская часть находилась на громадной лужайке посреди леса, где проходили плановые учения. Мне, как замполиту, была поставлена задача – следить за выправкой состава и за регулярностью плановых полит занятий. А как личному составу сохранить выправку, боевой дух, готовность исполнять свои обязанности здесь, где нет коммуникаций, где пыль в разгар лета, заставляет следить за своим внешним видом с особой тщательностью. И занятия в поле, под палящим зноем, – это не прохладные учебные классы в здании дореволюционной постройки. Не только рядовой состав, но даже офицеры, сбивались с привычного ритма, опаздывая на занятия, обременённые целым рядом новых проблем. Я хотел быть во всём примером, – потому подворотничок подшивал три, а иногда и четыре раза на день. Было сложно с гладкой, стиркой – особую заботу требовали сапоги. Даже идеально ухоженные, они вмиг покрывались пылью. Протирать их не имело смысла, так как пыль лишь размажется по гуталину и цвет поменяется на грязно – серый. Что говорить об уходе за обувью после дождя! К политзанятиям я готовился досконально. Когда – то я был на громадном сталепрокатном заводе – не мыслимых масштабов. Рядом с заводом стоял городок, где практически все жители работали на заводе, хорошо зная друг друга. Так вот парторг этого завода, проведя экскурсию по промышленному гиганту мне сказал:

– Ты видишь как стабильно и уверенно работает эта ма-

хина, управляемая людьми, каждый из которых досконально знает что должен делать и за что отвечать? Это и есть Советская власть.

Я хорошо запомнил те слова, соорудив из них основу, для построения занятий. Рядовой, сержант, прапорщик, младшие офицеры – должны чётко понимать – в чём именно должен проявляться их патриотизм. Патриот – водитель с автомобилем в плохом техническом состоянии – это

17

неосознанный враг. Да! Не меньше! А если тревога и нужно вести личный состав на место где идёт бой и где ждут помощи, а у него авто не заводится? Диверсант то же бы вывел автомобиль из строя, совершив то же действие, только сознательно. В чём разница? И суд для разгильдяя и врага – схож, по их вине погибли люди, не дождавшись подкрепления. Эта, проводимая мной, идея дала хороший результат, – каждый занимался порученным делом, переживая, чтобы его усилия не дали сбой. Немыслимое количество смазочных веществ – было гарантией, что ничего не заклинит, замки откроются, механизмы сработают. Наше расположение походило на муравейник, где каждый муравей видел чёткую цель и средства достижения её.

Сложнее было с объяснением международного положения. Это обширное поле для противоречивых рассуждений рано или поздно превратило бы занятия в диспут клуб и совсем не факт, что точка зрения партии преобладала бы. Моя

позиция была предельно ясна и наглядна.

У служащего сильно болит живот и он, не рассуждая и ни с кем не консультируясь, бежит в санчасть. Если он не может идти – его несут в санчасть. Медработник не читает лекцию слушателям, что случилось и как будем лечить, он остаётся с больным наедине и в силу профессиональных знаний и опыта оказывает лечение. Мы верим нашей партии, парии, которая имеет множество международных институтов, которые досконально владеют информацией. Как врач, приписывает выздоравливающему таблетки и процедуры, так и к нам, высшее начальство, спускает методички, где чётко и ясно изложены итоговые выводы, которые мы должны усвоить как аксиому. Кто хочет стать международником, после армии – может поступить в специализированное учебное заведение, военное или гражданское, где его обучат этой профессии. Другое дело, я старался как можно доходчивее, на конкретных примерах, донести содержание материала.

До окончания сборов осталось четыре дня, а из опыта скажу – это самые сложные дни. Все считают, что всё уже закончилось, что оставшиеся дни это формальность нужная, но бесполезная. Это период самовольных отлучек, употребления алкоголя, халатного отношения к своим непосредственным обязанностям и иных отклонений. Именно поэтому я метался по лагерю и днём и ночью, проверяя всех и вся.

суете длился до обеда. Именно перед самым обедом случилось невероятное, перевернувшее мою жизнь и миллионов подобных мне. Ровный гул моторов и самолёты с чёрными крестами на крыльях начали методично расстреливать лагерь. В это невероятно было поверить! Все кинулись в лес, потому, как даже расчехлить оружие и хоть как-то постараться выстрелить – было не реально. Расстреляв всё что можно, самолёты сменили бомбардировщики, которые не стреляли, а покрывали всю площадь воронками от разорвавшихся бомб. Только достигнув результата в виде выжженного поля, авиация удалилась. Мы начали робко выходить из леса в совершенно подавленном состоянии, не веря в происшедшее. Это какой – то гипноз, чудо! Мозг, психика не могли воспринять и оценить происшедшее и потому назвать нас вполне вменяемыми было бы преувеличением.

Три часа назад мы жили в другом измерении! Начали построение, чтобы понять, кто жив и произвести перепись. После, командир приказал все раненых снести к сестричкам, а убитых захоронить в общей могиле, изъяв документы и имеющиеся вещи. Каждый из нас, что солдаты, что офицеры – считали себя жёсткими людьми, военными, чей характер готов к любым испытаниям. Это было заблуждение. Обилие крови, раненых, не просто убитых, а растерзанных тел – помутило сознание. Раненые. Мы несли молодого парнишку, в бреду говорившего бессвязные предложения, у него была буквально раздроблена рука, которую перевязали, оста-

новив кровь. Левая нога была то же в крови – рана или это кровь от руки – не знаю и до половины оторванное ухо, которое почти не кровоточило. Нести было тяжело – грунт бобами был разбит и разрыхлён, мы еле дотащили его к экспромтной медчасти и медбрат, бегло осмотрев его сказал положить подальше, метров 10 в тень, объяснив, что сначала помощь нужно оказать тем, кому её реально оказать, а пробовать делать сложные операции и ампутации в таких условиях не возможно.

Так что было делать? Найти живого тяжелораненого и оставить? Или нести к трупам? Я приказал всех живых, не зависимо от состояния нести в медчасть. В медчасти работали все, кто хоть ориентировочно

19

что – то понимал в оказании первой помощи. Хотя все мы проходили этот предмет и солдаты и офицеры, но одно дело теория и другое практика. Я, как и все остальные носил на плащ-палатке раненых к санчасти, мёртвых – к месту захоронения, а потом уже из санчасти – к месту захоронения, кто скончался.

Это занятие длилось до глубокой ночи, практически в полном молчании. Не чём было говорить! Видеть такое количество изуродованных трупов, фрагментов частей тела, крови, слышать дикие крики раненых и тех, кому пытаются оказать помощь, организовать ночлег личного состава – это были сверхзадачи. Топоров, пил не было, найти вообще

что – либо было не возможно, а когда стемнело, – так и по-давно, поэтому ветки ломали руками и укладывали как наст для ночлега. Оказалось достаточно много легкораненых. Кого ранило, кто вывихнул ногу, кто ушибся, кто сильно поцарапался, убегая в лес – у каждого своё. Лекарства доставались только самым нуждающимся и каждый на свой лад «зализывал» раны.

Утром, командир собрал командный состав, чтобы выработать план дальнейших действий. Из-за обилия раненых сами, строем, мы передвигаться не могли, машин не было, понять куда именно следует держать путь – то же было сложно. Когда производился налёт, большая часть солдат, в панике бросали винтовки, убегая в лес, теперь следовало хоть что – то найти в завалах грунта и покорёженной техники, без лопат, без подручного инструмента – это была скорее попытка хоть что – то делать. Выбрали здоровых и смыслённых бойцов и отправили их в соседние части и населённые пункты для связи, чтобы сообщить существующее положение дел. Никто не говорил это в слух, но было понятно, что это война. Настоящая, глобальная война и мысль о Пакте Молотова, сейчас так же не уместна, как мечта о госпитале. Ну отправили мы бойцов, через сутки – двое они вернуться. А толку? В округе нет крупных населённых центров и воинских частей. Может кто найдёт какой – то транспорт и медработника и привезёт к нам, в чём я сильно сомневаюсь. Если так бомбили нас, то не меньше досталось и им в посёлке и деревнях.

Там паника и свои раненые. Да и каков запас медикаментов в медпункте или в лазарете посёлка? Весь их персонал даже осмотреть всех наших раненых не сможет. Я смотрел на

20

тех, кто трудится, пытаюсь облегчить участь раненых – смотрел и ужасался- они еле на ногах стояли, как они что – то могут делать? Все их одежды пропитаны кровью, даже на сапогах засохшая кровь. При таком раскладе, нам бы машин с пятнадцать, да медработников человек двадцать – тридцать, да лекарств немеряно. Легкораненых никто не осматривал, они сами пытались оказать себе помощь, и к утру многие из легкобольных стали тяжелобольными с высокой температурой. Остро стоял вопрос питания и воды. Мы метались до изнеможения, пытаюсь замедлить процесс, но это не давало значительных результатов.

Раненые массово умирали и сделать с этим ничего было нельзя, – лекарства на исходе, медперсонала мало и то, он до такой степени истощённый, что чудо, как они вообще на ногах стоят. Питания —нет. Средств гигиены – нет. Ручей бил довольно далеко, потому носили воду в санчасть, а те, кто мог сами переселились поближе к ручью. Мы же дислокацию менять не хотели, ручей бил на открытом месте и очень хорошо просматривался, – это было опасно. Так прошёл ещё один день неведения и только на второй день, вечером, пришёл младший сержант с новостями.

Та небольшая воинская часть / железнодорожные войска/,

куда мы его направили – эвакуировалась, место её дислокации – разбомбили. На слух, слышно, что где-то далеко грохочут пушки. В поселении, все кто могли – эвакуировались побросав всё, остались старики и те, кто в силу каких – либо причин уйти не смогли. Куда они ушли, в каком направлении эвакуировались было совершенно не понятно.

Глупо было требовать дисциплины от сильно голодных, одетых в грязную рванину людей. Они ждали от нас каких – то радикальных решений, принципиальных объяснений, а мы сами пребывали в полном неведении. Я постирал форму без стирочных средств, стараясь как можно экономнее использовать воду, но это была уже не форма, а мятая, плохо постиранная одежда. Сидели и лежали мы на траве и на пересохшем грунте, что было видно по одежде. Военными нас никак назвать было нельзя. Чтобы выжить люди стали компоноваться на малые группы – до восьми человек и жить таким самостоятельным коллективом. Сами ходили по лесу в поисках пищи, сами готовили, строили

21

укрытие от дождя самых причудливых форм. Десять дней пролетели как мгновение. Полный информационный вакуум и понимание того, что мы так истощали, что если не примется радикальное решение, то мы здесь все и останемся до конца жизни. Раненые, которым было не суждено выжить – умерли, те, кто пошли на поправку – могли хоть как – то себя обслуживать. Благо погоды стояли солнечные, толь-

ко роса и периодически туман беспокоили. Информационный вакуум заключался в том, что сведения приходили совершенно разного характера и делать выводы было опрометчиво. К нам, практически ежедневно «прибывались» бойцы примерно в таком же состоянии как и мы, прибывались, не видя смысла самим искать выход из положения. Мы их оставляли в отряде, но судьба их была не лёгкая- никто не хотел принимать их в свой маленький отряд, потому, как при таком голоде, каждой крошке был дан счёт. Приехали две полуторки, это наши солдаты, чуть не под страхом смерти заставили местных приехать, прихватив хоть какие – то лекарства и бочку бензина.

Мы собрали штаб для выработки кардинального решения. Командир озвучил своё решение, к которому, в принципе, мы были готовы.

– Оставаться здесь нельзя, – это путь к смерти. Идти колонной без понимания конечного пути – безумие, – по целому ряду причин. Потому, под свою ответственность приказываю :

– разделиться на шесть групп, я назначу старших, и ориентируясь на местности, опрашивая местных, пробиваться к нашим.

Это единственный шанс хоть кому – то уцелеть. Я, с ранеными, буду передвигаться в сторону населённого пункта, с целью оставить раненых у местного населения, иначе мы оказать помощь им не в состоянии. Двумя машинами мы их

развезём по всем сёлам, где их можно разместить.

Мне, как замполиту, достался отряд из восемнадцати бойцов, шестеро из которых к нам «прибились». Пять винтовок, никакого продовольственного запаса, практически без патронов, с двумя гранатами рано утром мы отправились в неизвестность.

Было понятно, что началась война. Стало понятно, что с немцами. Было

21

ясно, что это не надолго и мы победим, – это очевидно. Но взгляд ловил потрясающие пейзажи конца лета, птицы выводили красивые трели, ещё тёплый ветерок ласкал травяные луга и только болезненное воображение могло предположить, что идёт война, а мы, по-видимому, в окружении. Раненое животное ищет какое – то убежище, чтобы зализать рану и несколько оправиться, – всё остальное его вообще не интересует, – так и мы. Были забыты все лозунги, всё прошлое, нравственные ценности и понятие защиты Родины, – жажда и дикая слабость от голода затмевали разум до уровня покорного безразличия. Идти лесом, пересечёнкой – значит измотать себя до последнего предела и мы старались идти малонаезженными просёлочными дорогами, приблизительно придерживаясь направления. За поворотом, как —то внезапно появилась полностью сгоревшая маленькая деревенька. Она сгорела полностью, но относительно давно, так как запаха дыма не было, только едкая гарь щекотала горло. Я ре-

шил за этим убежищем сделать привал. Привал – это значит, что все повалились на землю и молча лежали, ни о чём не думая, пытаясь восстановиться. Вряд ли кто – то будет искать красноармейцев в углях былых строений. К пепелищу даже зверь не подходит. Руководствуясь этой логикой и было выбрано место. Совсем рядом проходила дорога, увидев какой-то отряд – с одной стороны мы могли спрятаться, а с другой – если это наши, выбежать для воссоединения. Меня почему – то слегка знобило, я снял обувь, развесил портянки и растянулся во весь рост. Рокот двигателей то появлялся, то пропадал, но потом стало ясно, что техника приближается к нам. Все мы вскочили, всё же прикрываясь, страхуясь, но в надежде, что это наши и все мучения закончились. Рёв техники был настолько сильный, что было понятно, что это громадная колонна, а раз так, то откуда взяться вражеской колонне в таком объёме? Это точно свои! Каково же было наше разочарование, когда появились необычные мотоциклы, обустроенные пулемётом и военные в незнакомой нам форме, – но точно не наши. Дальше шли два танка с крестами, грузовики с солдатами, буксирующие пушки, невиданная бронированная автотехника – громадная колонна техники, с большой численностью солдат. Мы, как измученные зайцы смотрели на продвижение стаи ухоженных львов. Зрелище настолько впечатлило и подавило, что любые комментарии не имели смысла. Из одной из бронемашин солдат

вскинул вверх пачку листовок, которые ветер разбросил в разные стороны. Колонна прошла. Мы довольно долго молчали. Все наши надежды и мысли были коренным образом обращены в ничто. С кем воевать? Кому? Что нам делать? Кто – то принёс несколько листовок. В них сообщалось, что солдатам, перешедшим на сторону вермахта будет дарована жизнь и работа. Те же, кто приведёт пленённого командира или политрука, будет доверено воевать с большевизмом в спецчастях. Листовки собрали, так, что у каждого в руках был этот пропуск. Я пользовался авторитетом настолько, что листовку дали и мне, предложив переодеться. Встретив мой отказ, никто никак не среагировал. Появился реальный шанс выжить, причём впервые! Практически утопающему кинули круг помощи, при этом не важно кто, тебя спасают! Хочешь – откажись от круга и тони. Кому и какую пользу принесёт твоя смерть? Только корм рыбам и ракам. Жизнь полна непредвиденных поворотов и может быть удастся выжить и вернуться к своей семье, воспользовавшись не словоблудием, а реальным шансом. Среди нас, кроме меня, был ещё один коммунист, некогда плотный старшина Панков. Голод и жажда, для этого полноватого человека оказались губительны, – он еле передвигался.

Мой замысел был прост: того, кто хотел уйти к немцам – не удержать, разговоры бессмысленны. Существовал реальный соблазн, сговорившись, взять меня и Панкова в плен и тем самым упрочить свой статус у врага. Искушение было

велико и нужен был какой – то хитрый ход, так как реальное сопротивление мы оказать бы всё равно было не возможно. Я не мог осуждать этих людей! Вы бы видели эти лица, эти немощные тела, гноящиеся раны, натёртости, – сразу бы поняли, что это кандидаты на скорую смерть. Да и куда двигаться дальше? В след за колонной? Какой в этом смысл? Нам её, эту чудо -колонну не то, что не перегнать, чтобы соединиться с нашими, но никогда не догнать. Так куда двигаться?

Километрах в пяти – семи виделся на возвышенности домик. Может это селение, а может одинокая изба, но домик был не погорелый, значит, там могли быть люди, колодец с водой. Даже, если там никого нет, то хоть какое – то время там можно было отсидеться, осмотреться, провести разведку в разных направлениях. Но это могла быть и

23

ошибочная идея, тогда свыше десяти километров /туда и обратно/ было бы проделано напрасно. Моё предложение заключалось в том, что если в течении суток нас не будет, значит мы погибли, если же всё хорошо – зажжём огонь – как приглашение. На том и порешили. Отряд вяло согласился, понимая, что десять километров – это отрезок в жизнь, – сил вернуться не останется. Но соблазн отлежаться был велик и если два фанатика я и Панков берутся рискнуть и разведать – милости просим.

Трудно охарактеризовать те телодвижения, которые приближали нас к цели. Мы мало шли, больше перебежками,

ползком, на четвереньках и эти отрезки сопровождалась долгим отдыхом. Даже не голод – жуткая жажда отнимала последние силы. Хватило мужества не пить с луж и болотец, хотя соблазн был невероятно велик. Напарник потерял сознание. Водой из луж, я орошал его лицо, ставил компресс на лоб, снял обувь, обнажил грудь. Постепенно он пришёл в себя и несколько часов восстанавливался. Потом мы продолжили путь. Только поздно вечером удалось подойти к колодцу. Пить много было нельзя, это мы знали, поэтому сделав несколько глотков, раздевшись – начали обливаться холодной водой. Нам было безразлично – кто в деревне, убьют ли нас, вообще – что будет дальше. Вода! Это неопишное счастье – вода! Ею нельзя насытиться, в смысле удовлетвориться. Только высохли ноги, как опять хочется облить водой красные ступни, ноги, грудь, голову, – и так бесконечно. Время забыло про нас. Мы полоскали рот водой, держали воду в полости рта, промывали нос водой. В итоге сознание вернулось к нам, – мы укрылись в густом кустарнике, почти обсохли, оделись и пошли в одиноко стоящему домику. Это было не село и вообще не населённый пункт – просто покосившаяся, частично сгнившая, изба, чудом не разрушившаяся. Мы постучались, дверь была не заперта и мы вошли. Из коридорчика вели три двери: налево, прямо и направо. Мы постучались в правую дверь и услышали шум, как ответную реакцию. Ждать пришлось довольно долго, пока дверь открыла такая измученная возрастом и жизнью стару-

ха, замотанная в остатки разных одежд, что мы растерялись. Зубов у неё не было, да и от истощения она еле говорила. С непривычки, мы не могли понять смысл её речи и она это поняла. Еле – еле передвигаясь она подошла к левой двери, сбитой из грубых, не строганых необрезных досок, с нашей помощью

24

открыла её и указала нам на большой топчан с соломой, жестами приглашая заночевать. На наш вопрос о немцах она ответила непонимающим взглядом, да и вообще, нам казалось, что она не вполне адекватна. Для нас это был рай. Зарывшись в сено, в мягкое душистое сено, чувствуя себя в доме, мы моментально уснули, проснувшись лишь к обеду, когда сквозь маленькое грязное окошко, плотно затянутое паутиной, смелыми дневными лучами заглядывало солнышко. Вставать никак не хотелось, но количество освоенной влаги выманило нас во двор. Во дворе был туалет. Вообще старушечье хозяйство было крохотным, но детально продуманным: банька, навес для дров, сарайчики и проч. приспособление выстроенные по тщательному плану – это было видно. Стоял вопрос о костре, чтобы пригласить наших. Панков настолько отошел, что начал излагать довольно оригинальные мысли :

– Командир, в обморок я падал не в первый раз в течении пути до привала. Когда я лежал в полубессознательном состоянии, то слышал, как двое новеньких обсуждали детали,

как сдать в плен. А когда раскидали листовки, то к этим двоим подсел наш Шаповалов и Максимов и они о чём – то перешептывались. Мы костром – смерть себе зовём. Хотя – готов подчиниться любому твоему приказу.

Мне нужно было подумать. Ход моих рассуждений был таков: немцы поймали простых рядовых пленных, – зачем они им? Мыть машины, смазывать технику, стирать, готовить, рыть окопы и выполнять ещё множество «чёрной» работы. А если их возьмут в плен со мной? Я буду отстреливаться до последнего – это ясно, то же и Панков. Есть два варианта – нас расстреляют свои же, зарабатывая бонус, или расстреляют немцы, так как силы не сопоставимы. Если погибнет хоть один вражеский солдат, никто не будет разбираться от чьей пули – расстреляют всех, взятых живыми. Восемнадцать мужиков эта развалюха точно не укроет – факт. В любом варианте у них без нас шанс на выживание будет в разы больше, чем с нами. И нам – так же. А значит- это не предательство, а верный манёвр, который спасёт жизни солдат, не способных оказывать сопротивление врагу. На том и порешил, сообщив о решении и мотивировке Панкову. Он согласился, посчитав мои доводы достаточно убедительными.

25

Чтобы набраться сил, а главное, восстановить волю к выживанию, необходимо было время. Труд, отдых, питание. Мы привели в порядок свою комнату и тамбур, всё вымыв,

почистив и проветрив. В комнате старушки была маленькая печь, а во дворе были аккуратно сложены наколотые дрова, довольно в большом объёме. Мы, помыв и почистив её комнату, проветрив помещение, сложили дрова вдоль стен комнаты высотой до окна. Цель была такова, чтобы без нас она могла хоть какое – то время чуть – чуть топиться, тогда печь, на которой она лежит, будет довольно долгое время хранить тепло. Пока мы работали, то питались исключительно водой, считая её лучшей пищей.

Бабуля молча смотрела за нашей деятельностью, не возмущаясь своеволием, периодически отлучаясь во двор, чтобы увидеть, что мы делали во дворе, потом посетив туалет довольно долго лежала на печи, не питаясь. Вечером, она встала, пошла во двор и принесла нам три громадные картошки. Всё это молча, как некое жертвоприношение. Мы разварили её в казанке в воде и получили картофельный суп, вкуснее чего в жизни не ели. И юшка и кусочки разварившегося картофеля были необычайным лакомством, просто домашней пищей, о которой мы забыли. Часть лакомства мы отнесли нашей благодетельнице, она приняла еду, поела и Панков забрал мыску, чтобы помыть. Это была вторая ночь в этом волшебном укрытии. Ссадины и нарывы значительно уменьшились, под воздействием подорожника и промываний. Мой нарыв на голени я парил водой, он прорвал и теперь нужно было просто время, чтобы затянуло. Мы накопили несколько стогов сена, не понимая смысл. Под укрытием

было сенохранилище и там было довольно свежее сено, значит, кто-то для чего — то это сено косил и сушил.

На четвёртый день нашего пребывания, утром, бабуля еле передвигаясь подвела нас к миниатюрной баньке и жестом предложила попариться. Вот это был настоящий праздник! К нам вернулась жизнь, оптимизм, силы, чтобы бороться, тяга победить! Стирка, купание оживили нас настолько, что чувство неполноценности ушло начисто. Мы долго пили чай из листьев дикой малины, больше вспоминая прошлое, чем планируя будущее, естественно, угощая хозяйку. Пайка в три картошки в сутки на двоих с хвостиком было всё равно — мало и мы начали думать, как из леса добыть съестное ей и себе, совершая рейды в разных направлениях.

26

Пятый день для нас стал неожиданно решающим. К нам вышли два довольно энергичных дедка, с обрезам и завели длинный разговор, пытаясь всё узнать о нас. Мы ничего не скрывали, — если это враги, то, наверняка, из лесу их прикрывают и наше сопротивление смысла не имеет. Мы показали документы и рассказали о своей растерянности — куда идти, чтобы попасть к своим. Суть же их повествования была такова :

К своим не попасть — мы в глубоком окружении. Всех пленных гонят в район Умани / приблизительно/, а куда именно не известно. Гонят крайне жестоко, за отставание — расстрел на месте, тела бросают на дороге, не предав зем-

ле. Колонны пленных то заставляют бежать, то идти быстрым шагом, чтобы сил и мыслей о побеге у них не осталось. Обречённое, загнанное стадо. Тех, кто предъявили листовки – пропуска или привели пленного командира, отправляют в общую колонну, на общих основаниях, а командиров, коммунистов – тут же расстреливают, откинув трупы от колонны. Дедки эти – местные. Их тут небольшой отряд в лесу, с семьями. Взять к себе нас они не могут, так как не прокормят, да и мы – чужие. Хозяйке они приносят продукты в малом количестве, чтобы мародёры и дезертиры, которых бродит множество, не отобрали последнее. Мародёры и дезертиры – какое диаметрально разное понятие можно вложить в эти понятия. Я видел трёх одичавших людей в изодранных солдатских лохмотьях, которые буквально столкнулись с нашим отрядом в лесу. Мы были истощены и голодны, но не потеряли человеческий облик, – их же глаза излучали безумство. Не удивился бы, если это были каннибалы, доведенные голодом, жаждой, ночной прохладой практически до помешательства. Отпугнуть от пищи их могла только сила, этих трёх бывших человека. Их лица были скрыты скомканными клочьями бороды и волос, отвратительный запах ветерок донёс до нас. Им бы в психиатрической больнице годик полежать, чтобы врачи постарались вернуть их в социум. Так они кто: мародёры или дезертиры? Люди, обращённые в полузверей. Встреча длилась секунды, они замерли, а потом ушли, потому как убежали – никак не приме-

нимо к характеристике их передвижения. А мы – кто? Разбив на осколки нашу армию, фашисты добились желанной цели – деморализации. Солдат – это человек, военной профессии и как человек,

27

нуждается в удовлетворении основных физиологических потребностей. Кто пытался есть мягкую траву, по возможности заваривая её, если была вода, потом тяжело страдал желудком. Рези и боли в желудке лишали его аппетита, приближая к истощению и смерти. Даже небольшие натёртости, раны, царапины в теле, значительно потерявшем иммунитет,гноились и требовали ухода. Бинтов не было, летняя вода в лужах – источник инфекции, спички крайне экономно расходовали, мы выдавливали из пересохшего рта слюну, смазывали ей подорожник и прикладывали к ране. Кто – то жевал подорожник, а потом втирал кашицу в поражённые места. Совсем недавнее прошлое казалось фантазией, которую просто не хотелось обсуждать.

Вот эти старички из леса – нас обогрели у костра, рассказали многое, раскрыв нам глаза на происходящее. Прежде всего – они не патриоты и не сторонники советской власти, но они враги фашистам, – потому как и от тех и от тех пострадали. Но фашисты – несопоставимо большее зло, потому они против них, при этом противопоставить вторжению ничего не могут – вот и обустроивают свою безопасность от них и готовятся к зиме. Фронт оказался недостижимо далеко,

так что стремиться попасть к своим – утопия. Можно прибиться к какому – то отряду, но это вряд ли. В каждом отряде, наивно пытающимся вырваться из окружения, практически нет питания, – потому лишние рты им точно не нужны. Да и путь у всех один – неизбежное пересечение с немцами и конвоирование в район Умани. Что там – неизвестно. Точнее не понятна форма плена. Гражданских, взятых в плен, организуют в хозотряды. Они моют, чистят, смазывают, готовят, – вообще обслуживающий персонал. Уж не знаю почему приглянулись мы им, но нам они здорово помогли. Немцы, оценивая гражданских, внимательно смотрели, насколько соответствует одежда тому, кто в неё одет. Если соответствия нет, то следует вывод, что это переодетые красноармейцы и их отправляют вместе с пленными. Обувь, одежда, должны соответствовать размеру и сразу должно быть видно, что ты в ней работаешь и за ней ухаживаешь. Вот эти лесные старички подобрали нам по комплекту одежды, две женщины что – то замерили и отнесли куда-то. Через время нам принесли одежду, подогнанную под нас. Это были очень старые, но довольно крепкие вещи, подобно которым носила

вся Украина. Это всё – что они могли.

Нашу форму из хорошего сукна – оставили им. Мы распрощались и двинулись на юг, понимая, что рано или поздно нам суждено пересечься с немцами.

Остро стал вопрос – что делать с документами?! Если они будут при нас, – то этот маскарад ни к чему, нас ждёт участь пленный бойцов красной армии. Нужно было их так спрятать, чтобы потом можно было найти, что, конечно, сомнительно. Несколько жарких ней мы потратили на загар. Пребывая постоянно в форме наши тела были известково – белые, что никак не могло быть у крестьян. Кроме того, козырёк фуражки надёжно защищал от солнца лоб, что то же бросалось в глаза. Можно по – разному характеризовать наше поведение, но мы готовились не к плену, а к тому, чтобы выжить. Выжить, чтобы понять каким путём добраться до своих. Другого пути просто не существовало. Потому мы так тщательно готовились- ещё в лесу нас коротко постригли, дали ножницы и мы обрезали ногти, побрились плохим лезвием, что естественно для бережливых крестьян, в итоге приобрели подобающий вид.

Когда два человека вынуждены делать плохое дело им общаться совершенно не хочется, – я с Паниным это хорошо прочувствовали. Было совершенно ясно как к нам отнесутся

в НКВД: без формы, без оружия, без документов... Предатели Родины! Штрафбат – это идеальный вариант и это если ещё нужны будут бойцы на фронтах, если же ход войны переломится и дополнительные резервы будут не нужны нас ждал трибунал и расстрел, – это не вызывало никаких сомнений. Но это смерть дальняя, до которой ещё дожить надо. Смерть близкая могла случиться в любую минуту, бесславная смерть человека с безымянной могилой. Хотя по дороге мы видели столько разлагающихся людских трупов, что вопрос захоронения был риторическим. Вызывали омерзение трупы, которые то ли люди, то ли звери частично расчленили, используя в пищу. Мысли о родных, о семье отвлекали и раздражали, нужно было принимать какие – то решения немедленно – вот о чём речь.

29

Я загорал, подставив спину под солнце и размышлял о своём будущем.

Допустим, мы попали к немцам. Нас разведут в разные стороны и допросят. После допроса, станет совершенно очевидно, что либо мы оба врём, либо врёт один из нас. Кто мы, как здесь оказались, кем до войны работали и где, призывались ли, если нет, то почему? Вопросов множество и ответы экспромтом были обречены на противоречия. У моей жены в Кривом Озере и Любашевке и нашем селе – многочисленная родня, я там был сто раз и смог бы убедительно всё рассказать и описать. Было бы естественно, что вне-

запность войны, заставила военкомат собрать призывников, выдать оружие, солдатские книжки и кинуть на помощь сопротивляющимся войскам. Это мог быть поезд, а могла быть и колхозная грузовая машина. Когда шли бои под Уманию – это три – четыре часа езды на грузовике. Если отточить эту полуправдивую версию, то она будет выглядеть очень убедительно. Вполне возможно, что кто – то уже был там и даст ключевой наводящий вопрос, так я без заминки на него отвечу. Другое дело, что для Панина места в этой версии нет. Предать его я не мог категорически, потому «сушил» голову, как найти вариант, подходящий нам обоим.

В природном овраге было углубление, именно там ночью мы жгли костёр, чтобы согреться, а дым не выдавал бы наше местоположение. Панин заговорил первым :

– Командир, понимай как хочешь, а двоим нам не выбраться отсюда. Как только нас двоих поймают – тут нам и крышка. Я по – разному крутил: и так и эдак переворачивал-ничего не выходит. У нас в роду все железнодорожники и я помощником машиниста три года отработал. Скажу, что нас принудительно эвакуировали с Умани, а уманское железнодорожное депо я знаю как пять пальцев, по дороге – попали под обстрел, я убежал в лес. Человек я простой, политической особо не интересуюсь, мне работа нужна, ну и харч. Ну не может быть, чтобы они от машиниста отказались. Пусть в депо поставят батрачить, – всё же шанс осмотреться и убежать. Да на поезде это и сподручнее сделать – поезда – то

на фронт идут. Тебя бросать не хочу, но убей не понимаю, как нас можно «связать». Разное прошлое даже географически. Вообще – всё разное. У меня на лице – крестьянство написано, так я и есть

30

потомственный железнодорожник – работяга. А по тебе видно – интеллигент. Может завгар, зав ремонтными мастерскими, – мало ли... И что нас связывает? Что им сказать, что думаешь?

– А что сказать, если я о том же думаю. Глупо погибнуть вместе, если есть шанс хотя бы одному выжить! Завтра определимся с направлением и будем решать куда кого судьба выведет.

Спать нужно было очень осторожно. То ли одичавшие собаки, то ли волки, но стаи сытых хищников совершенно не боялись людей и это было очень опасно. Расстрелянных оставляли прямо на месте и никто их не хоронил, то же и с умершими беглецами, – видимо, как не жутко, это и послужило кормом для хищников, сбившихся в стаи. Особо опасны были доведенные нуждой и голодом до животного состояния бродящие солдаты, готовые ради еды убить любого. Но они были истощены голодом и на открытую схватку никогда бы не решились. Другое дело напасть на сонных, убить, и как минимум забрать одежду и всё, что есть при нас. Ночь, луна, звёзды, природа – это всё существовало в другом измерении, ты же пытался совместить дрему и обострён-

ное восприятие шороха или любых шумов. Мысли о семье всплывали, но они предательски расшатывали волю, заставляя тосковать, думая о их участи. Так и прошла эта последняя совместная ночь со старшиной Паниным. Кстати, что интересно, мы ни разу, даже вскользь не вспомнили о оставленном отряде, этот участок памяти стёр информацию как не нужную.

Это трудно понять тому, кто не пережил подобного. Географическая карта – это вымысел, СССР с его границами – бред. Есть понимание некоего большого вольера, где бродишь ты и где есть «свои» и желающие твоей смерти «чужие». В этом и заключается понимание мира. Тебе безразлично то, что происходит за рамками твоего вольера: то ли наши где – то наступают, либо наши – где —то отступают всё это не имеет никакого значения. Абсолютно не нужная информация. Был ты и Панков, а теперь останешься только ты, и неведомо с нашими или врагами «пересечёт» тебя жизнь в ближайшее время.

33

У ВРАГОВ

Утром попрощались. Так прощаются с малознакомым покойным, кинув жменю грунта на крышку гроба и забыв его навсегда. У нас было прошлое, но уже нет ни его, ни настоящего и не будет общего будущего. И тоски от расставания никто не испытывал, каждый в нашем тандеме, соблюдал свой интерес, интересы разошлись – распался тандем. Я совсем недалеко отошёл и спрятался, а ближе к вечеру – вернулся на старое место. Расчёт был прост, если кого – то из нас сразу схватят, то легко найдут другого, и все наши истории будут годиться только в качестве эпитафий. А так, пройдут сутки, за это время старшина достаточно далеко уйдёт и мне будет безопаснее путешествовать в одиночестве. При отдыхе ночью опасность представляли опустившиеся люди и своры собак, а сменяться будет не с кем, но ничего, Бог даст – переночую.

Не спалось, периодическая дрёма прерывалась взрывами бодрости и ясности ума. Мозг готовил меня к ключевой встрече, которая может быть роковой. Я 1907 года рождения, крестьянский сын, родной дядя которого был служителем церкви в соседнем селе. Братья были очень дружны семьями и я воспринимал семью батюшки как продолжение своей. Некоторые молитвы знал наизусть, кое – что запомнил

из служб. Дядя сперва мне рассказывал о сотворении мира, о жизни до Иисуса, поощрял если я наизусть выучил текст или молитву. У меня с двоюродными братьями был спор – соревнование – кто больше молитв или текста выучит. Победителя батюшка брал на пасеку к родне, – а это был целый праздник. Это была одна сторона воспитания, которая внезапно оборвалась – батюшка скоропостижно скончался в достаточно молодом возрасте. Отношения с его семьёй не сложились, так что остался отрезок детства, без продолжения.

Но был в моей жизни и повседневный наставник – мудрый родной дедушка, который жил с нами. Мой родной дед был мои наставником. В понятие наставник будет уместно вложить словосочетание – Учитель Жизни. Потом школа, сочетающаяся с крестьянским трудом, а после выбор дальнейшего пути. Хотелось учиться, но учитывая дядю – о поступлении можно было забыть – Проскуров не большой город и

34

прилегающие сёла хорошо известны. Очень давно, до революции, вся наша семья с давних времён жила в Одессе. Потом, так вышло, что все срочно разъехались по Украине, оставив в городе квартиры. Эта тема была под запретом у нас, я только знал, что родился в Одессе и крещён в Свято – Алексеевской церкви. Именно в Одессу меня отправили, дав письмо к какому – то нашему родственнику, жившему на Балковской. За ним заезжала машина, он был начальник такого уровня, что практически сразу присторил меня

в общежитие, чему я был безумно рад. В университет я поступил удивительно легко, подозреваю не без помощи дяди, который крайне неохотно встречался со мной, я это понял, ну и не набивался. Учёба для меня открыла увлекательнейший мир зоологии и биологии. Закончилась учёба и дядя настоятельно порекомендовал мне отправиться в село Любашевского района учителем в школу. В перспективу научной деятельности он не верил и не скрывал этого. Обещания профессора меня отозвать иронично комментировал. Он был практик, циничный практик и его совет нужно было воспринимать как единственную реальность, это я усвоил. По сути и научный руководитель, и он настаивали на одном – на том, чтобы покинуть город и в области, в селе устроиться в школу. Он намекнул на родство и на возможные последствия и для него в том числе. В этом районе у него был друг, с которым он воевал в гражданскую, занимающий в районе какой – то пост. Учитывая, сложившиеся отношения в университете, обещание профессора и рекомендации дяди – всё складывалось в общую картинку.

Дочь, я почти не видел, это была абстракция, сведения же о родне жены меня не увлекали, при том рассказывать о службе было настрого запрещено, потому разговор при встрече касался исключительно отвлечённых тем. Пожалуй, этой ночью я последний раз вспоминал эпизоды доверенной жизни.

За воспоминаниями потянулся рассвет, обещающий хороший

солнечный день. Я наблюдал за рассветом и думал о том, что наши цели и задачи настолько нелепо наивны, что глупо полагать как будто мы сами выбираем свой путь. Моя биография пряма и проста как луч в геометрии, я всегда был верен взятому курсу и чётко придерживался

35

гласных и не гласных правил и что суммарно это стоит теперь, в этом овраге, у тлеющих головешек на восходе солнца, призванного давать радость. С выходом из оврага я условно переступлю новый рубеж жизни. И что? Опять планы, которые, как я теперь понимаю, просто надежды? Эфемерные фантазии. Так что делать?

Наверное, воспоминания прошлой жизни, навеяло мне решение, которое находится в совершенно иной плоскости. Очень давно, в далёком детстве, дядя – батюшка мне говорил :

– Если будет совсем трудно – помолись. Бог видит твои страдания и если грехи твои не велики – обязательно поможет тебе. Можешь молитвой, можешь своими словами, главное – от сердца.

Я был в тупике. Хотелось в этом овраге отсидеться, пока не возникнет ясность где свои и куда идти, – но это просто химера, фантазия. А идти «в никуда» не химера, не авантюра? Нет, это было не отчаяние, это было спокойное осознание того, что на ситуацию я никак повлиять не могу, находясь всецело в воле случая. Было до слёз обидно. За себя,

за трёхлетнюю дочурку, за жену, которой всего двадцать девять лет, за всех тех близких, которых мне, возможно, никогда не увидеть... Да и жил ли я? Трепыхание, карьера, масса казавшихся очень важными дел и понимание своей возрастающей значимости. И всё это лопнуло, как мыльный пузырь, не оставив и следа. Дядя часто говорил:» Что богатства, в гробу – то карманов нет». Солнышко начало греть, а я начал раскисать, но внезапно случилось нечто помимо моей воли: как много лет назад, в далёком детстве я стал на колени и глотая слёзы долго и горячо молился. Не помню, молитвой или словами, в уме или речью, но молился до тех пор, пока тревога не успокоилась и меня «отпустило». Я ещё раз перекрестился и тронулся в путь, вытерев лицо.

Шёл и думал – что это было? Я коммунист, замполит, майор, атеист, марксист и тут такое... Как это могло произойти? Сколько я лекций прочёл личному составу о вреде религии, сколько агитационных стендов и спектаклей мы готовили в школе – разоблачающих религию, – не перечесть! Сколько убедительных примеров я приводил, опираясь на

36

факты и на логику. У нас в школе, я даже организовал уголок эволюции, где школьники сами рисовали этапы эволюции, в результате которой получился человек. И всё это молча отступилось, дав дорогу молитве? Непостижимо!

Идя пыльной просёлочной дорогой, я услышал догоняющий меня шум машины, но не обернулся, а продолжил

движение. Достаточно быстро меня догнала наша полуплоторка, в которой сидели в необычной форме люди с повязками на руке. Машина остановилась. Трое выпрыгнули ко мне, направили автоматы и сразу прозвучал вопрос допроса :

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.